

## РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).  
*Political Linguistics*. 2026. No 2 (116).

УДК 811.112.2'42+811.111'42+81'38+81'27  
 ББК Ш143.24-51+Ш143.21-51+Ш105.55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

**Ирина Александровна Бубнова**

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Одинцово, Россия,  
 i.bubnova@odin.mgimo.ru, SPIN-код: 8509-4941

### Архитектура аффекта: лингвистические механизмы моделирования настроения в политическом дискурсе

**АННОТАЦИЯ.** В исследовании рассматриваются лингвистические и риторические параллели между современной политической риторикой Дональда Трампа и дискурсом Третьего рейха (в частности, речами Йозефа Геббельса). В ходе анализа выявлены ключевые манипулятивные механизмы, общие для обоих периодов: радикальная бинарная оппозиция «Мы — Они», приватизация национальной идентичности и системная делегитимизация независимых СМИ (*Fake News / Lügenpresse*).

Особое внимание уделяется стратегии дегуманизации через зооморфные и патологические метафоры, где политические оппоненты переопределяются как «паразиты» или биологические угрозы национальному организму. В работе также анализируется переход от логической аргументации к ритмической суггестии, подчеркивается адаптация этих техник в цифровом пространстве через «визуальную агрессию» (*Caps Lock*, экспрессивную пунктуацию и эмодзи-маркировку). Результаты показывают, что современный цифровой популизм является высокотехнологичной адаптацией классических тоталитарных стратегий убеждения, направленных на нейтрализацию рационального диалога через диктатуру аффекта.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** дегуманизация, цифровой популизм, Д. Трамп, Третий рейх, политический дискурс, политические тексты, политические речи, политическая риторика, политические деятели, американские президенты, фашизм, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые средства, ритмическая суггестия, биополитические метафоры, визуальная агрессия, лингвистические механизмы.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, email: i.bubnova@odin.mgimo.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Бубнова, И. А. Архитектура аффекта: лингвистические механизмы моделирования настроения в политическом дискурсе / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 93-98.

**Irina A. Bubnova**

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Branch) in Odintsovo, Russia, i.bubnova@odin.mgimo.ru, SPIN code: 8509-4941

### Architecture of Affect: Linguistic Mechanisms of Mood Modeling in Political Discourse

**ABSTRACT.** This study examines linguistic and rhetorical parallels between the contemporary political rhetoric of Donald Trump and the discourse of the Third Reich (and specifically the speeches of Joseph Goebbels). The analysis identifies key manipulative mechanisms common to both periods: the radical binary opposition of “Us vs. Them,” the privatization of national identity, and the systemic delegitimization of independent media (“Fake News” / “Lügenpresse”).

Special attention is paid to the strategy of dehumanization through zoomorphic and pathological metaphors, where political opponents are reframed as “vermin” or biological threats to the national organism. The paper also explores the shift from logical argumentation to rhythmic suggestion, highlighting the adaptation of these techniques into the digital space via “visual aggression” (*Caps Lock*, emotive punctuation, and emoji-labeling). The findings suggest that modern digital populism is a high-tech adaptation of classical totalitarian persuasive strategies aimed at neutralizing rational dialogue through the dictatorship of affect.

**KEYWORDS:** dehumanization, digital populism, D. Trump, the Third Reich, political discourse, political texts, political speeches, political rhetoric, politicians, American presidents, fascism, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, language means, rhythmic suggestion, biopolitical metaphors, visual aggression, linguistic mechanisms.

**AUTHOR'S INFORMATION:** Bubnova Irina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow Region, Russia.

**FOR CITATION:** Bubnova I. A. (2026). Architecture of Affect: Linguistic Mechanisms of Mood Modeling in Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 93-98. (In Russ.).

## ВВЕДЕНИЕ

Трансформация современного политического дискурса знаменует собой отказ от логоцентрической парадигмы в пользу аффективного моделирования. Язык перестает верифицировать реальность, превращаясь в инструмент ее тотального замещения, что коррелирует с теорией «восстания масс» Х. Ортеги-и-Гассета [Ортега-и-Гассет 2016] и запросом на предельное когнитивное упрощение. Согласно Р. Пакстону [Пакстон 2024], эрозия рациональных институтов неизменно сопровождается мобилизационной риторикой, эксплуатирующей чувство «национального упадка». В этом контексте язык эмоций, описанный В. Клемперером [Клемперер 1998], С. Кара-Мурзой [Кара-Мурза 2008], Р. Водак [Wodak 2015], освобождается от смысловой сложности, заменяя ее примитивными бинарными оппозициями. Таким образом, исторический кризис сам формирует архитектуру аффекта, делегируя лидеру роль единственного творца новой эмоциональной реальности.

В этом плане риторика 45-го президента США Дональда Трампа предоставляет исключительный материал для сравнительного анализа с лингвистическими стратегиями Третьего рейха, так как, несмотря на разные исторические контексты, оба дискурса эксплуатируют идентичные чувствительные к внешним воздействиям когнитивные механизмы человека: экзистенциальный страх и потребность в групповой идентичности. Все чаще проявляющаяся в настоящий момент связь нынешних риторических стратегий с пропагандистскими установками Третьего рейха демонстрирует устойчивость механизмов мобилизации населения через деградацию культурных и смысловых кодов. Сам этот процесс исчерпывающе объясняется с точки зрения концепции культурной гегемонии Антонио Грамши [Грамши URL], отмечавшего, что «искусство создания настроения» служит идеальным инструментом захвата «здорового смысла» общества, превращая агрессивный аффект в единственно возможную норму восприятия. Но если А. Грамши и Х. Ортега-и-Гассет анализируют данный феномен в социально-философском ключе, то Виктор Клемперер раскрывает его лингвистический фундамент, доказывая, что интериоризация идеологических доктрин осуществляется посредством «ядовитого

языка», в частности, через специфический лексический отбор и синтаксическую редукцию [Клемперер 1998]. Таким образом, политический язык — это не только передача информации, но прежде всего проектирование эмоционального ландшафта общества.

Данная работа посвящена анализу конкретных лингвистических механизмов, при помощи которых в политическом дискурсе создается эмоциональный фон, позволяющий замещать рациональное восприятие реальности аффективным откликом.

**Объектом** исследования являются тексты президента США Дональда Трампа<sup>1</sup> и тексты высших руководителей Третьего рейха<sup>2</sup>.

**Предмет исследования** — специфика лексики и синтаксиса данных текстов.

**Цель** — выявление идентичных лингвистических маркеров, создающих атмосферу аффекта и тем самым работающих на мобилизацию общества.

Исходя из поставленной цели **основными методами** в работе являются лингвистический и сопоставительный анализы.

## РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В целом результаты проведенного анализа подтверждают использование идентичных для обоих изученных дискурсов лингвистических инструментов для формирования нужного восприятия у аудитории. Авторы исследованных текстов эксплуатируют экзистенциальные страхи, применяют дихотомию «свой — чужой», дегуманизируют оппонентов и дискредитируют независимые СМИ, достигая тем самым схожих пропагандистских эффектов.

Лингвистическая стратегия моделирования экзистенциального страха в дискурсе Д. Трампа и идеологов Третьего рейха базируется на избыточном использовании суперлативов. Масштабирование угрозы через лексемы абсолютного значения *total*, *greatest*, *ever*, *annihilation* переводит политическую полемику в плоскость крайнего противоборства, что подчеркивается постоянным употреблением апокалиптических метафор: Д. Трамп часто использует образ *Slaughter/бойня* или *Death and destruction*, Й. Геббельс — *Untergang/зубель/закат* и *Chaos*. В такой языковой модели реальность лишается промежуточных состояний, оставляя аудитории выбор лишь между беспре-

<sup>1</sup> 1) URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/>; 2) URL: <https://www.thetrumparchive.com/>.

<sup>2</sup> 1) URL: [https://archive.org/stream/GoebbelsSpeechesArticlesComplete/GoebbelsSpeechesArticlesFromCalvin.edu.Complete\\_djvu.txt](https://archive.org/stream/GoebbelsSpeechesArticlesComplete/GoebbelsSpeechesArticlesFromCalvin.edu.Complete_djvu.txt); 2) URL: <https://ia800106.us.archive.org/14/items/GoebbelsSpeechesArticlesComplete/GoebbelsSpeechesArticlesFromCalvin.edu.Complete.pdf>; 3) URL: [https://ghdi.ghi-dc.org/sub\\_document.cfm?document\\_id=1583#:~:text=](https://ghdi.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=1583#:~:text=)

цедентной катастрофой и безоговорочным спасением через фигуру лидера. Персонализация страха реализуется через использование притяжательного местоимения *our* (наш), которое объединяет аудиторию перед общей угрозой: *наше выживание, наше будущее*. Этот эффект усиливается контрастом суперлативов: превосходная степень прилагательных *наихудший* или *страшнейший* описывает текущий упадок, тогда как лексема *величайший* соотносится либо с героическим прошлым, либо с процветанием в обещанном будущем.

Риторические стратегии Д. Трампа и идеологов Третьего рейха базируются на радикальной дихотомии «Мы — Они» (см. также [Kreis 2017; Stanley 2018]), где понятия *патриотизма* и *национальной идентичности* искусственно сужаются до границ лояльной группы. Путем использования инвектив и притяжательных местоимений оппоненты лишаются гражданского статуса, трансформируясь в предателей или «экзистенциальную угрозу». Такая приватизация смыслов, например, сужение термина *патриот* у Д. Трампа (только для «своей» группы) или оппозиция *Volksgenosse/товарищ по народу — Verräter/предатель, изменник* в нацистском дискурсе, с одной стороны, успешно конструирует требуемый эмоциональный фон, с другой — превращает политическую дискуссию в поле символической гражданской войны, где любая критика лидера приравнивается к акту агрессии против всей нации.

Дискредитация оппозиционных СМИ (*Fake News / Lügenpresse*) выступает инструментом усиления эмоционального воздействия. В контексте нашего исследования обвинения во лжи могут рассматриваться как своеобразное «лингвистическое зеркало» или, иначе говоря, превентивная защита: зачастую риторика «борьбы с дезинформацией» используется автором текста для маскировки собственных манипуляций и искажения фактов.

Помимо вышеупомянутых специфических черт, в обоих дискурсах анализ выявил систематическую эксплуатацию дегуманизирующей лексики, тех языковых средств, которые направлены на лишение оппонента человеческих качеств и его трансформацию в объект, транслирующий угрозу и вызывающий биологическое отвращение. А. П. Чудинов неоднократно отмечает, что метафо-

рическое моделирование выступает одним из основных средств конструирования политической реальности [Чудинов 2006], и это подтверждается в ходе анализа текстов Д. Трампа и лидеров Третьего рейха, где основным инструментом расчеловечивания служат два типа метафор:

– зооморфные метафоры, блокирующие эмпатию и легитимизирующие уничтожение «врагов-вредителей» (*Vermin/Animals/Snakes* у Трампа и *Ratten/Schädlinge/Parasiten* в Третьем рейхе);

– метафоры инфекции и санации, представляющие политическое насилие как акт «дезинфекции» национального организма. В этой категории в призывах к «выкорчевыванию» паразитов, якобы истощающих кровь и ресурсы народа, наблюдаются буквальные смысловые параллели между текстами Д. Трампа и текстами Третьего рейха: *We will root out the communists, arxists, fascists and the radical left thugs that live like vermin within the confines of our country that lie and steal and cheat on elections / Мы выкорчем... которые живут как паразиты внутри нашей страны, которые лежат, воруют и жульничают на выборах*<sup>1</sup>. *Diese Parasiten saugen das Blut unseres Volkes aus... die Lügenpresse verschleiern ihre Schuld / Эту паразиты... лживая пресса скрывает их вину*<sup>2</sup>.

Полный спектр выявленных категорий воздействия и используемых для этого лингвистических механизмов представлен в Таблице 1.

Помимо лексики, ключевую роль в исследуемых текстах играет синтаксис, в частности, различные фигуры речи, например, повторы, способные, как подчеркивает Г. Г. Хазагеров, «создавать особый риторический напор» [Хазагеров 2000: 97]. Синтаксический строй речей Д. Трампа и нацистской пропаганды свидетельствует о приоритете ритмической суггестии над логической аргументацией. Короткие декларативные конструкции (партикуляции), анафоры и императивы формируют специфический «маршевый» ритм письма и речи, которая подавляет критическое восприятие аудитории. В этом случае политический текст превращается в инструмент создания аффекта, где рациональный анализ подменяется эмоциональной сопричастностью и состоянием коллективного аффективного «транса».

<sup>1</sup> Д. Трамп. Речь на День ветеранов, Клермонт, Нью-Гэмпшир, 11.11.2023.

<sup>2</sup> И.Г.Геббельс. Речь «Раса и народ», Нюрнберг, 14.09.1935.

Таблица 1

Основные категории и лингвистические механизмы воздействия в текстах Д. Трампа и руководства Третьего рейха

Аспект/категория	Механизм	Д. Трамп	Й. Геббельс	Эффект
Подчеркивание масштаба	Использование слов <i>total, greatest, biggest, never before</i> и т. д.	<i>We will build a great, great wall... and it will be a magnificent victory" / Мы построим самую великую стену, это будет самая грандиозная победа</i>	<i>Ich frage euch: Wollt ihr den totalen Krieg? Wollt ihr ihn, wenn nötig, totaler und radikaler, als wir ihn uns heute überhaupt erst vorstellen können? / Хотите ли вы тотальной войны? Хотите ли вы её, если надо, тотальней и радикальней, чем мы её себе можем сегодня представить?</i>	Отключение критического мышления за счет масштабных обещаний на фоне угроз
Экзистенциальный страх	Использование слов <i>invasion, disaster, collapse, end of history</i> и т. д.	<i>Now, if I don't get elected, it's going to be a bloodbath for the country. / Если я не выиграю, это будет кровавая баня (bloodbath) для страны</i>	<i>Wenn wir den Krieg verlieren, dann ist das das Ende der europäischen Zivilisation / Если мы проиграем, наступит конец европейской цивилизации</i>	Мобилизация через поддержку лидера как единственного спасителя нации
Дихотомия мы/они	Использование слов <i>patriots, system, elites, betrayers</i> и т. д.	<i>We are fighting against the Deep State and the radical left. / Мы сражаемся против Глубинного государства (Deep State) и левых радикалов</i>	<i>Wir kämpfen gegen das korrupte System der Weimarer Systempolitiker. / Мы против коррумпированной системы веймарских политиканов</i>	Создание чувства солидарности, ощущения нахождения в осажденной крепости
Дегуманизация	Использование слов <i>parasites, vermin, virus, infection, poisoning</i> и т. д.	<i>They're poisoning the blood of our country / Они (незаконные иммигранты) отравляют кровь нашей страны</i>	<i>Das Judentum ist eine Krebschwellung am Körper der Nation. / Еврейство — это раковая опухоль, разъедающая тело нации</i>	Снятие моральных барьеров, превращение оппонентов в «объект чистки»
Агрессия к медиа	Использование слов <i>Lügenpresse, fake, enemies, corruption</i>	<i>The FAKE NEWS media... is the enemy of the people! / Лживые новостные медиа... это враги народа!</i>	<i>Die Lügenpresse ist ein Werkzeug des internationalen Kapitals. / Лживая пресса — это инструмент международного капитала</i>	Разрушение доверия к альтернативным источникам информации

К механизмам синтаксического конструирования требуемого от массы «настроения» относятся:

– анафора, которая «идеально передает чувство уверенности, позитивный настрой говорящего <...>, как бы закладывает основы, на которых держится вся речь» [Хаззагров 2000: 99], и рефрен, способные создавать ощущение нарастающего напряжения, когда все сомнения, даже если они и были, полностью исчезают: *Together, we will make America strong again. We will make America*

*wealthy again. We will make America proud again. We will make America safe again. And, yes, together, we will make America great again<sup>1</sup> (Вместе мы снова сделаем Америку сильной. Мы снова сделаем Америку богатой. Мы снова сделаем Америку гордой. Мы снова сделаем Америку безопасной. И да, вместе мы снова сделаем Америку великой). Ich frage euch: Wollt ihr den totalen Krieg? Wollt ihr ihn, wenn nötig, totaler und radikaler, als wir ihn uns heute überhaupt erst vorstellen können?<sup>2</sup> (Я спрашиваю вас: вы*

<sup>1</sup> Д. Трамп. Инаугурационная речь. 20 января 2017 г.

<sup>2</sup> Речь Йозефа Геббельса в Спортивном дворце (Берлин), 18 февраля 1943 года.

хотите тотальной войны? Вы хотите тотальной войны, более радикальной, чем мы можем себе представить?);

– парцелляция, имитирующая приказ, ритм марша, не дающая времени для обдумывания услышанного, которое начинает восприниматься как факт: *They're coming. They're here. Disaster. Sad<sup>1</sup>* (Они идут. Они здесь. Катастрофа. Грустно). *Ein Volk, ein Reich, ein Führer!<sup>2</sup>* (Один народ, одна империя, один вождь!)

– градация, служащая нагнетанию напряжения либо от простого к ужасному, либо, наоборот, от слабой надежды к триумфу: *Our country is being invaded, it's being destroyed, it's being murdered<sup>3</sup>* (В нашу страну вторгаются, ее разрушают, ее убивают); *Das ist nicht mehr eine Drohung, das ist eine Gefahr, das ist der Untergang, das ist das Ende von allem<sup>4</sup>* (Это уже не просто угроза, это опасность, это гибель, это конец всего).

Не менее важную роль в исследуемых текстах играет их «визуальная агрессия». Если ораторское мастерство лидеров Третьего рейха опиралось на модуляцию голоса и выверенные паузы, т. е. акустическую агрессию, то Д. Трамп адаптировал эти приемы для цифровой среды. Инструментами визуальной суггестии в дискурсе Трампа становятся:

– капитализация (Caps Lock) как маркеры аффекта (страха либо триумфа), имитирующие крик и обозначаемые в лингвистике как «визуальная суггестия»: *WITCH HUNT! ELECTION INTERFERENCE! MAGA!*;

– избыточная пунктуация, в частности восклицательные знаки, создающие ощущение тревоги, чрезвычайного положения;

– эмодзи-маркировка, играющая роль идеологических ярлыков для разделения аудитории на «своих» (патриотические символы, часто — флаг) и «чужих» (дегуманизирующие пиктограммы — змеи, клоуны и т. д.).

## ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Основными лингвистическими механизмами, конструирующими состояние аффекта, являются:

- инструментализация страха через использование притяжательного ме-

стоимения *our* (наш) в связке с суперлативами (*наихудший/величайший*), что персонализирует коллективную тревогу, делая выживание нации зависимым от личной лояльности лидеру;

- биологизация политики через использование метафор инфекции/санации/очистки, которые переводят идеологический конфликт в плоскость биологического выживания, легитимизируя радикальные меры.

Можно с достаточной степенью уверенности предполагать, что основная цель данных механизмов состоит в разрушении институтов рационального диалога и замене политической дискуссии диктатурой аффекта.

2. Исследование подтвердило идентичность лингвистических механизмов, используемых в анализируемых дискурсах, при этом риторика Д. Трампа не просто копирует исторические образцы, но адаптирует их под клиповое мышление и алгоритмы соцсетей, ускоряя эмоциональную мобилизацию масс.

3. Современная цифровая адаптация классических тоталитарных приемов демонстрирует высокую эффективность визуальной суггестии и дегуманизации в условиях поляризованного общества, где любая оппозиция лидеру объявляется угрозой национальной безопасности. При этом социальные сети, как отмечают исследователи (см., например [Ott 2017]), не просто способствуют деградации политического дискурса, но и вполне успешно служат инструментом усиления агрессии.

В заключение следует подчеркнуть, что, безусловно, сходство лингвистического инструментария Д. Трампа и идеологов Третьего рейха не указывает на прямое копирование, но доказывает существование универсального кода мобилизации. Проведенный анализ показывает, что когда язык перестает быть средством диалога и становится инструментом моделирования аффекта, он неизбежно обращается к суперлативам, дегуманизации и ритмическому давлению, и это еще раз подтверждает, что «искусство создания настроения» в политике — это всегда игра на понижение: от сложной социальной реальности к примитивному инстинкту выживания.

<sup>1</sup> 2015–2016. Серия постов Д. Трампа в Twitter и выступлений, посвященных миграционным «караванам». Слово *sad*, которым заканчиваются высказывания, употреблено более 350 раз, что можно считать «фирменным» знаком Д. Трампа.

<sup>2</sup> Официальный государственный лозунг нацистской Германии, впервые использован во время кампании по аншлюсу Австрии в 1938 г., подчеркивает абсолютное единство.

<sup>3</sup> Д. Трамп. Речь о ситуации на южной границе США. Вандалия, Огайо, 16.03.2024.

<sup>4</sup> Речь Йозефа Геббельса в Спортивном дворце (Берлин), 18 февраля 1943 года.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грамши, А. Тюремные тетради / А. Грамши. — Москва : Политиздат, 1991. — URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf> (дата обращения: 3.03.2026).
2. Ирхин, А. А. Внешнеполитическая риторика Д. Трампа: трудный выбор между американским интервенционизмом и изоляционизмом / А. А. Ирхин, О. А. Москаленко // Потемкинский форум : сборник материалов IV Междунар. науч. форума / отв. ред. А. П. Кабаченко. — Севастополь : Севастопольский государственный университет, 2019. — С. 168–169. — EDN IFXARW.
3. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо, 2008. — 862 с. — ISBN 978-5-699-10826-8.
4. Клемперер, В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер ; пер. с нем. А. Б. Григорьева. — Москва : Прогресс-Традиция, 1998. — 384 с. — ISBN 5-89493-016-2.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс : [пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет. — Москва : АСТ, 2016. — 255 с. — ISBN 978-5-17-099395-6.
6. Попова, Е. В. Предвыборный дискурс — многовекторность лингвистического исследования / Е. В. Попова // Проблемы современной науки. — 2012. — № 5-1. — С. 46–54. — EDN PZKXKV.
7. Самарцев, В. Ю. Критический дискурс-анализ речевых стратегий политического дискурса Д. Трампа (на материале президентских дебатов США 2016 года) / В. Ю. Самарцев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 116–126. — DOI 10.26170/1999-2629\_2021\_02\_11. — EDN XKWICD.
8. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. — Москва : Николо-М, 2002. — 313 с. — ISBN 5-901488-04-0.
9. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.
10. Hall, K. The Hands of Donald Trump: Entertainment, Gesture, Spectacle / K. Hall, D. M. Goldstein, M. B. Ingram // *Journal of Ethnographic Theory*. — 2016. — Iss. 6. — P. 71–100. — DOI 10.14318/hau6.2.009.
11. Kreis, R. The “Tweeppolitik” of Donald Trump // *Journal of Language and Politics*. — 2017. — Vol. 16, Iss. 4. — P. 607–618. — DOI 10.1075/jlp.17032.kre.
12. Ott, B. L. The Age of Twitter: Donald J. Trump and the Politics of Debasement / B. L. Ott // *Critical Studies in Media Communication*. — 2017 — Vol. 34, Iss. 1. — P. 59–68. — DOI 10.1080/15295036.2016.1266686.
13. Paxton, R. The Anatomy of Fascism / R. Paxton. — New York : Vintage Books, 2004. — 336 p. — ISBN 1-4000-3391-8.
14. Stanley, J. How Fascism Works: The Politics of Us and Them / J. Stanley. — New York : Random House, 2018. — 240 p. — ISBN 9780525511830.
15. Wodak, R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean / R. Wodak. — London : Sage, 2015. — 256 p. — ISBN 9781446247006.

## REFERENCES

1. Gramshi, A. (1991). *Tyuremnye tetradi = Prison notebooks*. Moscow: Politizdat. Available at March 3, 2026 from <https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf>.
2. Irkhin, A. A., Moskalenko, O. A. (2019). *Vneshnepoliticheskaya ritorika D. Trampa: trudnyy vybor mezhdru amerikanskim intervensionizmom i izolyatsionizmom = Trump's Foreign Policy rhetoric: a Difficult Choice between American Interventionism and Isolationism. Potemkin Forum. Collection of materials of the IV International Scientific forum (Ed. A. P. Kabachenko)*, 168–169. Sevastopol': Sevastopol State University. EDN IFXARW.
3. Kara-Murza, S. G. (2008). *Manipulyatsiya soznaniem = Manipulation of consciousness*. Moscow: Ehksmo, 862 s. ISBN 978-5-699-10826-8.
4. Klemperer, V. (1998). *LTI. Yazyk Tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa = LTI. The language of the Third Reich. Philologist's notebook (Transl. from Germ. A. B. Grigor'ev)*. Moscow: Progress-Traditsiya, 384 p. ISBN 5-89493-016-2.
5. Ortega-i-Gasset, Kh. (2016). *Vosstanie mass = The Uprising of the Masses (Transl. from Spanish)*. Moscow: AST, 255 p. ISBN 978-5-17-099395-6.
6. Popova, E. V. (2012). *Predvybornyy diskurs — mnogovektornost' lingvisticheskogo issledovaniya = Pre-election discourse — the multi-vector nature of linguistic research. Problems of modern Science, 5-1*, 46–54. EDN PZKXKV.
7. Samartsev, V. Yu. (2021). *Kriticheskiy diskurs-analiz rechevykh strategiy politicheskogo diskursa D. Trampa (na materiale prezidentskikh debatov SSHA 2016 goda) = Critical discourse-analysis of speech strategies of D. Trump's political discourse (based on the 2016 US Presidential Debate). Political Linguistics, 2(86)*, 116–126. DOI 10.26170/1999-2629\_2021\_02\_11. EDN XKWICD.
8. Khazagerov, G. G. (2002). *Politicheskaya ritorika = Political rhetoric*. Moscow: Nikolo-M, 313 p. ISBN 5-901488-04-0.
9. Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. A textbook*. Moscow: Flinta, Nauka, 256 p. ISBN 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.
10. Hall, K., Goldstein, D. M., Ingram, M. B. (2016). *The Hands of Donald Trump: Entertainment, Gesture, Spectacle. Journal of Ethnographic Theory, 6*, 71–100. DOI 10.14318/hau6.2.009.
11. Kreis, R. (2017). *The “Tweeppolitik” of Donald Trump. Journal of Language and Politics, 16(4)*, 607–618. DOI 10.1075/jlp.17032.kre.
12. Ott, B. L. (2017). *The Age of Twitter: Donald J. Trump and the Politics of Debasement. Critical Studies in Media Communication, 34(1)*, 59–68. DOI 10.1080/15295036.2016.1266686.
13. Paxton, R. (2004). *The Anatomy of Fascism*. New York: Vintage Books, 336 p. ISBN 1-4000-3391-8.
14. Stanley, J. (2018). *How Fascism Works: The Politics of Us and Them*. New York: Random House, 240 p. ISBN 978-05-25511830.
15. Wodak, R. (2015). *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: Sage, 2015. 256 p. ISBN 978-1446247006.